
Иерей Сергей Мацнев (Вологда)

**ВИЗАНТИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОЙ И СЕРБСКОЙ
ЦЕРКВИ И РЕФОРМА ПАТРИАРХА НИКОНА:
К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОЙ
ПРЕЕМСТВЕННОСТИ**

Изначальной целью церковной реформы, осуществленной в Русской Церкви царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном в середине XVIII века, было приведение русской церковной практики (прежде всего, обрядности) в соответствие с византийскими образцами (в том виде, в каком они существовали в греческой Церкви на тот момент). В качестве образцовой основы предполагалось использовать древние рукописные и ранние печатные литургические книги, имеющие быть доставленными для этого с Православного Востока. Консультантами и собственно справщиками должны были при этом выступить знатоки греческого языка и актуальной богослужбной практики, имеющие при том безупречную с конфессиональной точки зрения репутацию. По прошествии трех с половиной столетий и имея перед собою печальный исторический опыт, - раскол Церкви и неоспоримые, зафиксированные во всех и всяческих проявлениях церковной жизни, латинские влияния, мы можем судить о соответствии задекларированных некогда целей и очевидных результатов той реформы.

Серьезных научных работ по данной теме существует на сегодняшний день сравнительно немного, ибо любое приближение к ней представителя церковной науки Синодального (да и советского) периода оказывалось подчас чересчур рискованным, ставя под сомнение как научную карьеру, так и само бытие в рамках официальной церковной системы, особенно если исследователь принадлежал к духовному сословию.

Громадная заслуга в этом отношении принадлежит профессору Московской Духовной Академии Н.Ф. Каптереву, который на своей судьбе вполне ощутил всю рискованность подобных исследований. Публикация ряда серьезных работ, в особенности двухтомника «Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон» (1909-1912)¹ и «Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов» (1913)² едва не при-

¹ Н.Ф. Каптерев, *Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович*, (Сергиев Посад, т.1- 1909, т. 2-1912).

² Н.Ф. Каптерев, *Патриарх Никон и его противники в деле исправления*

вела к лишению его не только профессорского звания, но и возможности преподавания в Академии; также и к беспочвенным обвинениям в «подкупленности» представителями старообрядческой белокриницкой иерархии. Он первым из представителей официальной церковно-исторической науки на достаточно высоком профессиональном уровне смог доказать факт бережного сохранения, в неискаженном виде, византийской обрядности (как и редакции богослужебных книг) в том именно виде, в котором они существовали в Константинопольской Церкви на момент принятия Русью христианства, включая сюда двуперстное крестное знамение. Эту точку зрения в целом также разделяли такие крупные ученые-историки второй половины XIX века как Е.Е. Голубинский, А.А. Дмитриевский и В.Н. Бенешевич.

Изменения в ходе реформы затронули все стороны церковной жизни, - богословскую, дисциплинарную, певческую, иконографическую. Образцами для справщиков послужили вовсе не некие древние харатейные (пергаменные) рукописи, а современные печатные издания Киевского, Виленского, Львовского и т. под. происхождения (прежде всего, типографии Киево-Печерской Лавры). Яркий образец – Требник митрополита Петра Могилы (1646), вмещающий сильнейшие латинские влияния и оказавшийся, тем самым, проводником их в великорусскую практику. На сей счет существует ценная работа профессора ЛДА Н.Д. Успенского «Коллизия двух богословий в деле исправления русских богослужебных книг в XVII веке», опубликованная в сборнике «Богословские труды»³. В ней убедительно показано проникновение латинских формулировок (в церковно-славянском переводе с характерными особенностями его «киевского» варианта) в чинопоследования упомянутого Требника, затем в практически неизменном виде перенесенные в Никоновские издания. Другой характерный образчик - издание Ростовским митрополитом Димитрием Тупталом в начале XVIII века корпуса Житий Святых, являющихся по существу переводом с польского аналогичного труда польского иезуита Петра Скарги, представлявшего для переводчика несомненный авторитет. Последним фактом можно объяснить приверженность митрополита Димитрия специфическим учениям, в то время еще не ставшим догматами и в самой Римской церкви, - о непорочном зачатии Девы Марии и о чистилище. Здесь необходимо отметить многолетний труд исследовательницы жизни и творчества Ростовского митрополита – Л. Янковской, профессора Гданьского университета (Польша), в своих работах обнаружившей упомянутые факты, вплоть до самоидентификации Димитрия в качестве члена Базилианского ордена, см. его автографы на книгах из личной библиотеки.

В отношении богословском отметим появление таких книг, как «Скрижаль» (выпущенную п. Никоном в 1656 г.), «Жезл правления» Симеона Полоцкого (1667 г.), «Увет духовный» патриарха Иоакима (1682),
церковных обрядов, (Сергиев Посад, 1913).

³ Н.Д. Успенский, *Коллизия двух богословий в деле исправления русских богослужебных книг в XVII веке*, в сб. «Богословские труды», вып.13. Москва, изд. Московской Патриархии, 1975 г. с.148-171.

«Пращица» еп. Нижегородского Питирима (1721), «Розыск о брынской вере» митр. Ростовского Димитрия, направленных против противников реформы и наполненных новым, совершенно нетипичным для православного русского сознания духом насилия и глумления над традиционными для того времени понятиями о благочестии.

Упомянем также о двух образцах явного фальсификата, изготовленного в начале XVIII столетия по указу Нижегородского епископа Питирима – так наз. Феогностова Требника, ложно датированного 1329 г, и Соборного деяния на еретика Мартина Армянина, якобы бывшего в 1157 г. Никогда прежде в русской истории представители церковной иерархии не бывали замечены в столь беспринципных поступках.

В области иконописания к началу XVIII века выявилась вполне тенденция к переориентации с византийского канона на явление, которое можно обозначить как картина религиозного содержания, воспроизводящая (как правило, в формах примитивизированного подражания) образцы европейского происхождения.

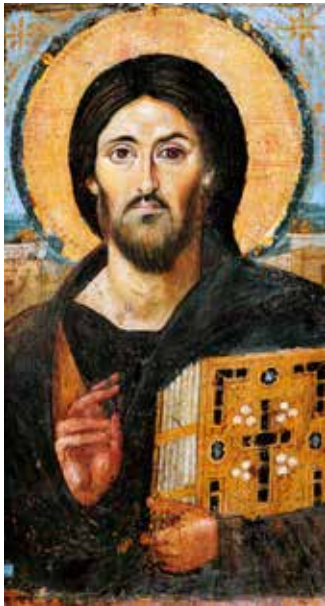
В церковном пении, - знаменный распев, - принципиальная монодия, вполне наследующая византийскую музыкальную систему с ее особой невматической нотной записью, - подвергся попыткам гармонизации, а затем, в начале XVIII века, стремительно был вытеснен гармоническим пением киевского происхождения (еще сохранявшим традиционную гласовую основу) либо прямым композиторским творчеством, не сохранившим вовсе ни малейшей связи с византийскими прототипами. Допускалось даже использование музыкальной основы, заимствованной из произведений Гайдна, Глюка и иных известных композиторов при совмещении ее с литургическими текстами. В этом же ряду и итальянцы Сарти и Галуппи, привнесшие в русское церковное пение дух и эстетику европейской оперы, и отечественные авторы Н. Дилецкий и В. Дегтярев, а позднее – Д. Бортнянский и А. Ведель.

Переходим к основному предмету нашего исследования – бытию двуперстного крестного знамения в Византийской Церкви и в наследующих ее предание Сербской и Русской. Необходимо оговориться, что вообще вопрос о появлении и замещении форм перстосложения в раннехристианской Церкви, к сожалению, малоизучен. Многие строятся на цитатах из различ-

Илл. 1 Мозаика в Cappella Palatina в Палермо (Сицилия, Италия) (1140-80)

Сл. 1 Мозаик у капели Палатина у Палерму (Сицилија, Италија) (1140-80)

Илл. 2 Икона Христа в монастыре св. Екатерины (Синай), VI в.

Сл. 2 Икона Христа у монастыря Св. Катарина (Синай), VI век

ных сочинений Отцов и учителей Церкви, исходя из употребления ими единственного или множественного числа применимо к крестному знаменю (то-есть единоперстие - двоеперстие). Сторонники и противники теории о существовании единоперстия апеллируют к сохранившимся сочинениям свят. Епифания Кипрского, свят. Иоанна Златоуста, блаж. Феодорита Кирского, Созомена, Иоанна Мосха, преп. Андрея Критского, блаж. Иеронима Стридонского, свят. Григория Богослова, свят. Кирилла Иерусалимского. Однако, в разных славянских переводах в одном и том же тексте свят. Иоанна Златоуста стоит то «перстом», то «перстами». Вполне определенное свидетельство о двоеперстии встречается в богословской дискуссии, описанной Созоменом и блаж. Феодоритом Кирским – выступление свят. Мелетия Антиохийского на Антиохийском соборе 361 г. с обличением арианства, и его впоследствии активно использовали на Руси противники икононой реформы. Известный филолог, проф. Б.А. Успенский в своей работе «Крест и круг» приводит два источника – сочинение Петра Дамаскина (середина XII в) и греческий полемический трактат «О фрязах и о прочих

латинех», сохранившийся в латинском переводе Гуго Этерианского (XII в) – о том же, - «два перста убо и едина рука являют распятого Господа нашего Исуса Христа во двюю естеству и едином составе познаваема»⁴. Стоглавый собор, прошедший в Москве в 1551 г (см. книгу «Стоглав», гл.31) (с.84)⁵, принял постановление «...Иже кто не знаменуется двема персты, якоже и Христос, да есть проклят». Проф. Успенский подчеркивает именно греческое происхождение данной фразы, в своем оригинале встречающейся в чине принятия еретиков.

В Доментиановом Житии св. Саввы Сербского, написанном в середине XIII в., а конкретно, в заключающем Житие похвальном слове святому упоминается случай, как св. Савва со спутниками, будучи застигнут бурей на море, «двема перстома благословенныма» заставил ветер утихнуть и усмирил волнуемое море, согласно устному сообщению исследовательницы сербской агиографии Л.К. Гаврюшиной⁶.

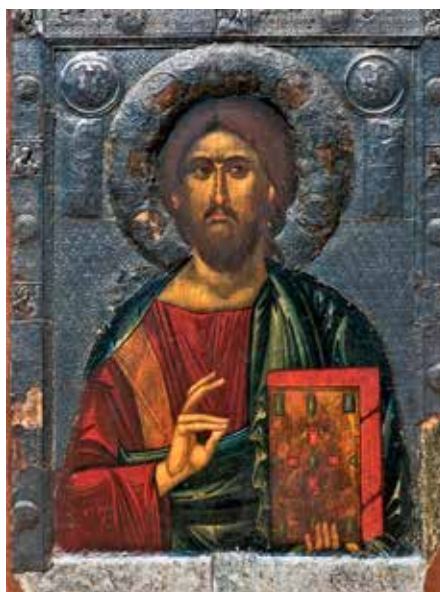
⁴ Б.А. Успенский, *Крест и круг*, Москва 2006, с. 316.

⁵ *Стоглав*, Издательство «Воскресение», Санкт-Петербург 1997.

⁶ *Живот светога Симеуна и светога Саве, написао Доментијан, на свијет издао Ђ. Даничић, у Биограду, у државној штампарији, 1865. с. 318.*

Время и причины появления в греческой среде троеперстия до конца не понятны. Крупный литургист, профессор Папского Восточного института Михаил Арранц в беседе с автором (Рим, 1995 г) утверждал, что, по его мнению, троеперстие возникло и распространилось в среде сицилийских и калабрийских греков, живших в латинском окружении, незадолго до падения Константинополя. Упомянутый Б.А Успенский в другой своей работе – «Крестное знамение и сакральное пространство»,⁷ упоминает об одном из результатов своих разысканий в Ватиканском архиве: в ряду документов, касающихся подготовки Ферраро-Флорентийской унии (1439 г) им встречено требование латинской стороны по отношению к греческой о тотальном введении троеперстия в Византийской Церкви. Профессор в личной беседе признавался, что в течение нескольких лет медлил с публикацией этого значимого открытия, опасаясь соблазнов в православной среде в России, однако же, она не произвела в итоге никакого резонанса.

В течение трех прошедших веков противники реформы – старообрядцы – многократно ссылались на бесчисленные изображения двоеперстия на иконах, фресках, в скульптуре, пластике, книжных миниатюрах, повсеместно встречающихся на православном Востоке и латинском Западе. Но здесь необходимо иметь в виду активное использование в этих изображениях определенного ряда античных риторских жестов, хорошо известных в средневековье, но совершенно непонятных христианам Нового Времени. Так, в любопытной книге старообрядческого автора начала XX столетия С.И. Быстрова «Двоеперстие в памятниках христианского искусства и письменности» (первая публикация – в журнале «Церковь», М., 1913)⁸ приводится множество изображений, начиная от римских катакомб, мозаик Византии и Рима, икон, приписываемых кисти св. ап. Луки, до до-реформенных русских икон, где все изображенное однозначно атрибутируется как двоеперстие. С нашей точки зрения, в каждом отдельном случае необходимо выяснение назначения жеста – либо это благословение, либо

Илл. 3 Икона Христа в соборном храме монастыря св. Климента в Охриде (Македония), около 1300 г.

Сл. 3 Икона Христа из монастыря Св. Климент у Охриду (Македонија)

⁷ Б.А Успенский, *Крестное знамение и сакральное пространство*, Москва 2004.

⁸ С.И. Быстров, *Двоеперстие в памятниках христианского искусства и письменности*, Москва 1913 (репринт – Барнаул 2009).

требование внимания, указание, порицание, символический знак величия. С другой стороны, троеперстие не встречается в византийской иконографии нигде и никогда.

Существует замечательная работа белградского профессора Дж. Трифуновича «Слово Максима Грка у старом српском преводу». В ней идет речь о русском оригинале и двух сербских списках сочинения преп. Максима Грека «Сказание како знаменоватися крестным знамением», один хранится в библиотеке САНУ (N147, конец XVII века), другой – в библиотеке Патриархии (N17, конец восьмидесятых годов XVII века)⁹. Этот труд был хорошо известен русским старообрядцам и активно ими использовался в качестве доказательства всеобдержного бытия двоеперстия в Византийской Церкви. Но здесь важно внимание к теме в сербской среде, также, очевидно, нуждавшейся в ровно тех же доказательствах и в тех же целях – противостояния распространению троеперстия в границах Сербской Церкви. В данной статье описываются события на Св. Горе, когда один из насельников монастыря Хиландар – иеромонах Дамаскин Хиландарец – был своими греческими собратьями обвинен в ереси по причине употребления двоеперстия и книг московской печати; в 1650 г брошен в темницу, а затем продан ими же в рабство туркам. От него требовали клятвенного отречения от двоеперстия и отказа от пользования помнятыми книгами, которые при этом же были торжественно сожжены. Проф. Трифунович не видит возможности окончательно определить, каким перстосложением пользовались остальные хиландарцы, но предполагает, что троеперстным (что, очевидно, не вызывало никакой полемики внутри сербского иноческого братства).

Здесь будет нелишним привести мнение представителя Русского Зарубежья, проф. С.А. Зеньковского, автора весьма серьезного труда «Русское старообрядчество»: «...греческие монахи сожгли несколько богослужебных и богословских книг русской печати, в том числе и «Кириллову книгу», Сборник (издания 1642 года) и Псалтырь, так как в них предписывалось делать крестное знамение не тремя пальцами, как это делали греки, а двумя. Афонские монахи-греки, совершенно забыли, что это был их же старый греческий православный обряд, который они переменили в XIII веке на трехперстное знамение и который сохранился только в более консервативной старой России. Не зная истории своего же православного греческого крестного знаменья, они сочли двуперстное знамение за неправильное еретическое и решили сжечь эти книги. Выяснилось враждебное отношение греков к обряду, который они называли русским. По их мнению, получив христианство от греков, русские должны были бы всегда следовать их примеру и не уклоняться от греческих обычаев. Суханов (Арсений, в полемике с иерусалимским патриархом Паисием и его свитой – С.М.), защищал «русское», а на самом деле старогреческое двуперстное знамение ссылками на древнегреческие источники и на многовековую русскую практику, ссылаясь на блаженного Феодорита и Максима Грека.

⁹ Ъ. Трифуновић, *Слово Максима Грка у старом српском преводу*, Слово и култура, том I, Памяти Никиты Ильича Толстого, Москва 1998, 298-305.

По мнению Суханова, русская практика была более древней и лучше, чем новогреческая церковь, сохранила древнегреческий обряд. Здесь следует отметить, что исследования современных историков всецело подтвердили мнение Суханова»¹⁰.

Известен факт деятельной поддержки Никоновой реформы сербским патриархом Гаврилом (время правления 1648-1655, 1659), но необходимо учитывать, что участие в московских делах он принимал, будучи уже БЫВШИМ патриархом, ибо долгие годы он, вместо своей кафедры, подобно множеству иных (греческих) иерархов, проживал вдали от находящейся под турецкой оккупацией паствы. На его место тем временем был избран новый патриарх – Максим (1655-1680). Таким образом, с канонической точки зрения, было бы некорректно воспринимать и именовать его в документах Московских соборов Сербским патриархом, равно как и двух иных иерархов – Паисия и Мелетия, принимавших участие в Большом Московском соборе 1667 г, будучи уже фактически низложенными на своих кафедрах. Никонова реформа официально не была проведена в Сербской Церкви. Автор имел возможность исследовать множество рукописных Требников и Служебников (особенно Дечанское собрание) в библиотеках САНУ и Патриархии, монастырских собраниях на Цетинье и в Савине (Черногория) и может засвидетельствовать, что они, содержа во многом «дониконову», т.е. аналогичную зафиксированной в ранних московских печатных книгах редакцию, никак не могли быть использованы для «справы». Любопытен в этом отношении, например, рукописный архиерейский служебник 1675 г из Цетиньского собрания. В нем со всей очевидностью сохранилась «старая» редакция, при том, что прошло уже более 20 лет с момента начала реформы. Очевидно, перелом наступил позже, в Петровскую и послепетровскую эпоху, когда по указанию Императора Петра I на территорию нынешней Черногории были доставлены комплекты богослужебных книг в пореформенной редакции. Такого рода комплект автор наблюдал в ризнице Которской соборной церкви. Заметим, реформа не затронула существенно не греко-католическую среду. Свидетельство тому – Львовские и Унгварские издания и современная клиросная практика в карпато-русинских (лемковских) приходах Закарпатья (в составе Украины), Словакии и Польши.

Таким образом, мы вынуждены констатировать, что упомянутая реформа фатальным образом повлияла на сохранение и использование византийского духовного и культурного наследия и в России, и на Балканах. Не лишено объективной справедливости утверждение русских старообрядцев, не принявших рассмотренной реформы, что они являются хранителями по существу не русской национальной, а именно византийской традиции. И ощущают они от сознания этого не столько гордость, сколько ответственность за хранение драгоценного ковчега общехристианского наследия.

¹⁰ С.А. Зеньковский, *Русское старообрядчество*, тт. 1 и 2- Москва, Институт ДИ-ДИК, Квадрига, 2009, 149-150.

Иерей Сергей Мацнев (Вологда)
ВИЗАНТИЈСКО НАСЛЕЂЕ РУСКЕ И СРПСКЕ ЦРКВЕ И РЕФОРМА ПАТРИЈАРХА
НИКОНА: ПИТАЊЕ ДУХОВНОГ И КУЛТУРНОГ КОНТИНУИТЕТА

Циљ црквене реформе XVII века у Русији био је да се руска црквена пракса приближи византиским узорима. Али узоре које су користили они који су црквене књиге поправљали, нису били стари грчки рукописи (као што је морало бити), него новија штампана издања. Промене у току реформе односиле су се не само на богослужбене књиге него на све области црквеног живота: типик, богословље, појање, иконографију. Уместо канонских икона, јавиле су се својеврсне слике верске садржине. У црквеној музици „знамени распев“ који је следио принципе византијског монодијног појања био је подвргнут хармонизацији (касније га је заменила ауторска хорска музика): Дошло је до наглих промена у обредној пракси, тако, патријарх Никон је наредио да се крсти са три прста уместо два. У току последња три века руски староверци (који су иначе кажњавани за то што су сачували старе обреде) штитећи „двопрстје“, наводили су као пример многобројне слике са оним на иконама, фрескама и минијатурама које се могу срести свуда на православном истоку и латинском западу. Како пише проф. Трифуновић, српски монаси исто су страдали на Атону штитећи своје право да користе старе књиге из времена пре раскола у Русији и да употребљавају двопрстје. Међутим српски требници и служабници умногоме су задржали дониконову варијанту, као што је архијерејски Служабник из 1675. године са Цетиња (иако је после реформе прошло већ 20 година). Вероватно тек у Петрово доба, на тло савремене Црне Горе донете богослужбене књиге у послениконовој варијанти. Као закључак морамо рећи да је поменута реформа имала тешке последице не само за богослужбени живот и културу у Русији него и на Балкану што се може лако уочити и данас.